

Поначалу история преподобного Паисия и Овиновской иконы — это сугубо монастырская история. Нельзя не задать себе вопрос, зачем она создается. Имеющийся материал заставляет думать, что примерно на протяжении века или чуть более, со времени преставления Паисия и до конца XVI века, единственным свидетельством памяти о подвижнике (памяти, но не поминания) является именование его монастыря «Паисиевым», что, на мой взгляд, повторю, следует понимать как «основанный Паисием». Не имеет ли место в конце XVI века один из тех случаев, когда, по определению Т. Джадта, «происходит подмена прошлого во имя вполне конкретных потребностей сегодняшнего дня»?⁵⁸ Изменение истории монастыря ради того, чтобы утвердить его права на... На что? На Овиновский образ? Чтобы избавиться от претензий на него со стороны причта галицкого Спасо-Преображенского собора? На Овинов луг? Чтобы избежать претензий на него со стороны окрестных крестьян? В любом случае именно обитель оказывается в центре этих событий.

Постепенно история монастырская превращается в историю галицкую. Это происходит с укреплением культа преподобного Паисия, потому что Паисий Галицкий — это именно *галицкий* святой. Неслучайно моделью для его тропаря и кондака послужили тропарь и кондак Авраамии Смоленскому. «Восия, Господи, граду Твоему Галичю яко свѣтозарное солнце...».⁵⁹ «...Христа Бога моли непрестанно спасти град и люди и обитель...».⁶⁰ Сначала — «град», потом — «люди», потом — «обитель».

В XIX веке на первый план выходят «люди». История, изначально бывшая сугубо монастырской и имевшая почти что прикладной характер, а потом ставшая городской, начинает восприниматься в контексте того трудноопределимого понятия, которое принято называть «русской святостью». Практически не получившая распространения в рукописной традиции XVI–XVII веков, эта история проникает в XIX веке в фольклор и в литературу и часто попадает к историку не через документ, а через пересказ или весьма вольную интерпретацию. На разных этапах своего существования она становится опорой для самоопределения, для обозначения своего духовного или физического пространства той или иной социальной группы, от очень маленькой до очень большой. Но, как уже не раз приходилось убеждаться, чтобы определять свою идентичность, вовсе не обязательно добиваться исторической достоверности.

⁵⁸ Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.

⁵⁹ Кондак Паисию Галицкому. См.: *Семячко С. А.* К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери. С. 182.

⁶⁰ Тропарь Паисию Галицкому. См.: Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-52-64

© Т. А. Исаченко

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ АВТОГРАФ ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ К АРХИМАНДРИТУ ФЕОДОСИЮ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО)

Жизнь и деятельность Паисия Величковского (1722–1794), настоятеля молдавских монастырей Драгомирна, Секу и Нямц, переводчика известной Филокалии, не случайно находятся в центре внимания исследователей — историков, филологов и богословов. Молдавский старец напомнил миру о доктрине и практике древнего мистического учения, известного уже в IV веке, влияя тем самым на умонастроение современного ему общества и желая способствовать его «духовному отрезвлению». Рукописи, вывезенные Паисием с Афона, стимулировали переводческую деятель-

ность созданной им школы, которая смело отстаивает свои принципы — стремление к расширению источниковой базы, сохранение традиционных форм славяно-византийского синтеза. Привлечение широкого круга источников раннего и позднего христианства, включая труды, ранее на Руси не переводившиеся, позволяет к концу века выработать принципы и сформулировать программу.

Второе Послание старца Паисия иеромонаху Феодосию,¹ автограф которого выявлен в собрании Е. В. Барсова (1836–1917), хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, уникально по содержанию. Это своего рода исповедь, итог и самооценка всей многолетней работы самого старца как исследователя и переводчика. Найденный текст — важный источник не только для реконструкции афонского периода старца Паисия, но прежде всего, для уточнения объема и характера его переводческого наследия.² Послания старца Паисия представляют ценность ничуть не меньшую, чем другие его тексты — переводы и предисловия к ним, ибо в письмах старца раскрываются суть его учения, филологические и филокалические воззрения. Из биографии Паисия Величковского известно, что он приехал на Афон в 1746 году, когда ему было 24 года, а покидал Святую Гору спустя почти 18 лет, увозя с собой тексты Петра Дамаскина, Исихия Иерусалимского, Филофея Синаита, Феодора Едесского, Исаака Сирина, Григория Синаита, Диадоба, Фалассия, Симеона Нового Богослова — авторов, чьи труды перевернули всю жизнь будущего подвижника. Второе Послание, в заключительной его части, в том числе содержит описание продолжительных поисков, увенчавшихся успехом.

Рукопись под № 295 в собрании Барсова (РГБ. Ф. 17) в фондовом описании именуется «Сборник богословский». И хотя большая ее часть датируется первой четвертью XIX века (бумага 1810 года), первые листы, несомненно, относятся к XVIII веку. Помещенный на них текст представляет собой заключительную часть Второго Послания старца Паисия софрониевскому архимандриту Феодосию. Текст читается со слов «елиногреческимъ языкомъ книгъ, представите лицамъ онемъ» на л. 4–7 (нумерация карандашом, поздняя), которые приплетены к конвольту и в конце скреплены подписью Паисия Величковского: «Паісій старецъ». Внешний вид рукописи скромен: четвертая доля листа, картонный переплет, края первых листов повреждены. Каллиграфический почерк начальных листов и подпись узнаваемы, они представляют автограф Паисия Величковского (ср. автографы старца в черновиках его Послания к Амвросию, Афанасию и Феофану — в рукописи БАН. 13.5.6. Л. 1 и 7 об.,³ Послание иеромонаху Агафону — в рукописи БАН. 13.1.24. Собр. Яцимирского. № 66. Л. 4⁴). На обороте л. 3 помещена гравюра — погрудное изображение старца Паисия в овале: спокойный взгляд, одухотворенное лицо, окаймленное окладистой бородой, сложенные руки, в руках — четки. Под изображением — печатный текст (частично утрачен и поновлен от руки): «Молдовлахійскихъ Нямецкаго <и прочих> монастырей Великій Старецъ

¹ Феодосий (Маслов; 1720–1803), игумен, позже (с 1779) — архимандрит Молченской (Молчанской) Софрониевой пустыни Севской викариной епархии Московской митрополии. Первые послушания у молдавских старцев, о которых упоминается в начальной части Второго Послания, сблизили Паисия с Феодосием, укрепив их отношения. Феодосий был другом и учеником Паисия. См. о нем: *Никодим (Кононов), еп.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков с портретами. М., 1906. Т. 1. С. 47; *Иустин (Юревич), иером.* Архимандрит Феодосий (Маслов) — основатель Григорие-Бизюкова монастыря // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 281–300.

² Помимо этого источника существуют некоторые другие тексты аналогичного содержания (предисловие 1787 года к книге Слов преп. Исаака Сирина, Добротолубие московской редакции 1793–1797 годов, фрагменты рукописей, хранящихся в собраниях Румынии, Молдовы и Петербурга).

³ Фотовоспроизведение в изд.: 1) Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. М., 2004. С. 338; 2) Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения / Пер. с церковнослав. и др.-греч., комм. А. П. Власюк. Серпухов, 2014. С. 306.

⁴ Фотовоспроизведение в изд.: 1) Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 337; 2) Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения. С. 376.

Схимонахъ и Архимандритъ Паисій Величковскій скончался 1794 года ноября 15 дня, погр<ебенъ в Нямецкомъ монастырѣ>».⁵

Конволют составлен преимущественно из текстов, переписанных в начале XIX века. Большая часть их представлена сочинениями Паисия Величковского против раскольников, что, по всей вероятности, привлекло к сборнику внимание Е. В. Барсова, серьезно интересовавшегося историей и литературой русского старообрядчества.⁶ Здесь мы видим такие известные сегодня произведения старца Паисия, как «О знамени Честнаго и Животворящего Креста» (л. 9–42),⁷ О Максиме Греке (л. 42–57 об.), ответы на письмо, полученное старцем 20 марта 1794 года от жителей сел Васильевского и Палехи (т. е. за полгода до кончины старца, следовавшей в ноябре 1794 года) (л. 58–89);⁸ «Свидетельство о поклонах, долженствуемых быть в греко-российской святой церкви» (л. 94–103 об.). На последних листах присутствуют выписки из Устава Святой Горы (л. 104–110), копия которого составлена софрониевским монахом Израилем. Ему, как следует из записи на л. 117, принадлежит и сам сборник с вплетенным в него Вторым Посланием: «Сія книга принадлежит Софроніевой Молченской пустыни монаху отцу Израилю. Послана из Москвы отъ купца Ионы Ивановича Головина чрезъ племянника его монаха Тимофея Белобережскаго».

Каким образом рассматриваемая рукопись попала к Барсову, можно лишь догадываться. Согласно истории записей конволюта следует, что текст Послания находился в Софроніевой пустыни с того самого времени, когда настоятелем ее был его адресат, иеромонах Феодосій (с 1779 года). Поскольку во Втором Послании упоминается подготовка к изданию венецианской Филокалии (1782),⁹ то можно предположить, что текст составлен не ранее этой даты, но и не позднее 1787 года, когда Феодосій был возведен в сан архимандрита. Ранее исследователи принимали во внимание лишь эти две даты, указывая на время создания Послания.¹⁰ Между тем в заключительной части текста Послания излагается ключевой момент богословской полемики, повлиявшей на критический настрой писавшего свое Послание старца — «смута» в Мошенских горах, распространившаяся в 1793 году («якоже и самымъ дѣломъ во дни наша случися, яко одинъ инокъ, философъ суетумный и т. д.»; РГБ. Ф. 17. № 295. Л. 4 об.). Исследователь И. Паул говорит об одном из ближайших помощников Паисия, монахе Иакинфе,¹¹ проживавшем в ските Вороньей Поляны (Поляна Вороний) и посланном

⁵ Подпись восстановлена по рукописи из дополнительного собрания Троице-Сергиевой лавры: РГБ. Ф. 304/II. Троицкое собр. № 203 (Творения Григория Паламы; 1808 год), — имеющей аналогичное изображение и сохранившуюся на л. 1 по нижнему полю запись: «Изъ книгъ Намѣстника Т. С. Лавры Архим. Антонія». На л. 102 об. сообщается: «Переведено сие с греческого на славенский языкъ блаженныя памяти покойнымъ великимъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ в Святоволенскомъ Нямецкомъ монастыре, где гробъ его до днесь зрится». Гравюра помещена на л. II об.

⁶ Цветаев Д. В. Записка об ученых трудах Е. В. Барсова. М., 1887. С. I–II, 8–10.

⁷ Перевод послания с церковнославянского языка выполнен по рукописи БАН 13.1.24 и представлен в электронном издании: *Паисій (Величковскій), преп.* Полемические произведения, поучения, письма / Сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; общ. ред. О. А. Родионова. См.: https://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/premaloe-sochinenie-o-krestnom-znamenii/; дата обращения: 30.09.2019.

⁸ Перевод послания с церковнославянского языка выполнен по рукописи БАН 13.1.24 и представлен в электронном издании: Там же.

⁹ «Иже (Макарий), пришед во святую Афонскую гору, и с неисповедимым усердием и превеликим тщанием во всех вивлиофиках великих святых обителей многи обрете таковыя отеческие книги, яковых еще у себе и доколе не имеяше» (Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского: С присовокуплением предисловия на книгу св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия пресвитера и Нила Сорского, сочиненное другом его и сподвижником старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. М., 1847. С. 224–225).

¹⁰ Лисовой Н. Н. Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России XI–XX века. М., 2002. С. 186–222.

¹¹ Иакинф уже в 1791 году был духовником собора Нямецкой лавры и неоднократно ходил в Россию по поручениям старца Паисия. См.: Паул И. Славянские ученики преподобного Паисия Величковского XVII — начала XIX веков. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001. С. 72.

старцем в июне 1793 года для выяснения обстоятельств распространения нестроений, связанных с хулением учения об умной молитве и монахом Феопемптом. В тексте Послания эти события 1793 года описываются следующим образом: «...бояся и трепеща, да не како обще не точию инокомъ, но и вѣмъ православнымъ христіаномъ, якоже и прочія книги, аки продаваемая вещь, предложены бывше, отъ нихъ самочиннѣ безъ наставленія искусныхъ дѣланію умныя молитвы научившимся, возпослѣдуетъ прелесть, виною же прелести да не возпослѣдуетъ хула отъ суетоумовъ на святое сіе и препорочное, отъ премногихъ и великихъ святыхъ отецъ свидѣтельствованное дѣло.

Якоже и самымъ дѣломъ во дни наша случися, яко одинъ инокъ, философъ суетумный,¹² увидѣвъ яко нѣкоторымъ ревнителемъ сея молитвы, аще и не по разуму, привозпослѣдова, за самочиніе ихъ и за невѣждное наставленіе неискусныхъ молитвы сея наставниковъ, нѣкая прелесть, не возложивъ вины на самочиніе и неискусное наставленіе, толико, діаволу его подвигшу, вооружися хулою на святую сію молитву яко и древнихъ оныхъ треклятыхъ еретиковъ Варлаама и Акиндина, хулившихъ сію молитву, несравненно превзыде».¹³

Паюл в своей работе упоминает о том, что Послание доставили к архимандриту Феодосию в Софрониеву пустынь два славянских ученика преподобного Паисия, монахи Иоанникий и Климент,¹⁴ значит, оно, скорее всего, находилось в Софрониевой пустыни с того времени, когда было привезено Феодосию. Тем более вероятно, что в конволюте Барсова перед нами рука старца Паисия. Возможно, в рукописи соединились списки последних сочинений старца Паисия, что произошло уже после кончины архимандрита Феодосия. Бумага большинства статей конволюта имеет «белую» дату — 1810 год. Эту датировку подтверждает гравюра, относящаяся по времени появления к началу XIX века.

И хотя рукописный конволют, по всей видимости, составлен уже после кончины Феодосия, однако текст Послания, помещенный в самом его начале и содержащий утраты, принадлежит более раннему времени. Он выписан характерным каллиграфическим почерком на бумаге, отличной от последующих листов, что, совокупно с другими палеографическими его признаками, наводит на мысль о первоисточнике Второго Послания к Феодосию, лежащем перед нами. Текстологическое сличение позволило утвердиться в этом предположении и связать обнаруженный автограф с источником первой публикации Второго Послания в издании 1847 года.¹⁵ Маргиналия на л. 6 об. и стилистическая правка текста в последующих списках помогли назвать промежуточный источник этого издания — одну из рукописей нынешнего Оптинского собрания РГБ, отразившую след работы при подготовке издания.

Интересна датированная запись руки монаха Израиля в конце переписанного им Устава Святой Горы на л. 113 об. — одной из последних статей конволюта — она указывает на конец 1810-х годов: «Принесъ сію копію въ Софроніеву пустынь изъ Іерусалима послушникъ Григорій Калугинъ, бывшій тамъ вышеозначеннаго года. А я своею рукою переписал 1819-го октября 24-го дня. М. Израилъ». Все записи конволюта, таким образом, фиксируют этапы активного перемещения рукописи («принадлежит Софрониевой Молченской пустыни», «послана из Москвы отъ купца Ионы Ивановича Головина чрезъ племянника его монаха Тимофея Белобережскаго»¹⁶). История этих перемещений неотделима в том числе и от Белобережской пустыни Орловской губернии,

¹² Во второй редакции: «монах един, философ суетумный, пребывающий в Мошенских горах» (Национальный архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 67).

¹³ Цит. по: РГБ. Ф. 17. Собр. Барсова. № 295. Л. IV об. — V. Перевод Послания см.: Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 306.

¹⁴ Паюл И. Славянские ученики преподобного Паисия Величковского XVII — начала XIX вков. С. 77–78.

¹⁵ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 241–268.

¹⁶ Вероятно, Тимофей и Иона Путиловы. Сохранилось наставление этим молодым подвижникам, отправлявшимся в Саровскую обитель на несение монашеского подвига (опираемся на письмо корреспондента старца Паисия, о. Александра (Подгорченкова), процитированное в работе: Сергий (Четвериков), свящ. Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Paris, 1988).

одного из центров русского старчества,¹⁷ где после 1780 года строителем (настоятелем) был иеромонах Василий (1745–1831).¹⁸ История рукописного текста Послания указывает на связь с Брянской Белобережской Иоанно-Предтеченской пустынью, одним из центров русского старчества,¹⁹ а имена «купца Ионы Ивановича»²⁰ и его «племянника Тимофея» (вероятно, не племянника, а брата, Тимофея Ивановича) расширяют историю рукописи, включая в этот перечень Саровскую и Оптинскую обители.

Владельческая запись конволюта, дополненная биографическими разысканиями, помогает, таким образом, проследить путь перемещения рукописи из рук одних учеников и последователей Паисия к другим, отчего она приобретает особое значение — фактографического источника, содержащего данные относительно малоизвестного ученика Паисия Величковского монаха Израила. Какова же была судьба автографа старца Паисия?

В Софрониевой Молченской пустыни Послание, адресованное Феодосию, соединилось с другими текстами старца, типикарными записями. Можно допустить, что в таком уже виде рукопись переправлялась в Москву, а затем, через белобережского монаха, была возвращена назад. Какова была цель этого перемещения? В какой момент были утрачены первые листы Второго Послания и каков объем текста был изначально? Последний вопрос пока не имеет ответа, но он важен и интересен, поскольку хорошо известно, что сочинения старца активно переписывались, и молдавский список — источник трех публикаций Послания в последние десятилетия — содержит более видоизмененный текст, его вторую редакцию.²¹ Он, кроме всего прочего, имеет пространную вступительную часть, отсутствующую в издании 1847 года, а также, как и следовало ожидать, в автографе.

Коснемся содержательной стороны Второго Послания и, более конкретно, той его части, которая дошла до нас в конволюте Барсова. В списке Ново-Нямецкого монас-

¹⁷ Общежительная мужская Брянская Белобережская пустынь. Историческое и современное обозрение. Одесса, 1909; *Кольцов А.* Белобережская Брянская мужская пустынь // *Православная энциклопедия*. М., 2002. Т. 4. С. 532–534.

¹⁸ В миру — Владимир Тимофеевич Кишкин, ученик афонских и молдавских старцев, последователь Паисия Величковского. Сведения о Василии (Кишкине) присутствуют в предисловии к изданию 1847 года (Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. XVII). В Отделе рукописей РГБ хранится «Житие иеромонаха Василия (Владимира Тимофеевича Кишкина)», некогда хранившееся в библиотеке МДА (дар проф. Д. А. Голубинского). 30 ноября 2017 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви иеросхимонах Василий (Кишкин) был причислен к лику общецерковных святых. 25 мая 2018 года включен в Собор Брянских Святых. Мощи преподобного Василия пребывают в Богородицкой Площанской мужской пустыни в Покровском храме. Среди учеников старца известны монахи Арсений и Израиль, которые вместе с ним «пешествовали» на Святой Афон и жили в Ильинском ските. При этом об Арсении сведений сохранилось больше, чем об Израиле, который упоминается в письмах митрополита Гавриила (см.: Переписка митрополита Гавриила с духовными лицами // *Вопреки веку просвещения: Высокопреосвященный Гавриил (Петров), Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Жизнь. Творчество*. Кончина / Подг. текста, сост. и послесловие П. В. Калитина. М., 2000. С. 431–432).

¹⁹ Основанием монастыря считается 1661 год, а первым устройтелем — иеромонах Симеон, который принес в Россию первый список древней византийской иконы Божией Матери «Троеручица»: *Кольцов А.* Белобережская Брянская мужская пустынь. С. 532–534.

²⁰ В родословной знаменитого рода Головиных имя Ионы Ивановича выявить не удалось. Не исключено, что под именем купца Ионы Ивановича Головина подразумевается Иона Иванович Путилов (1786–1858), будущий игумен и настоятель Саровской обители схимонах Исаия II, брат преп. Антония и Моисея (Путиловых), имевший не племянника, а брата Тимофея Ивановича Путилова (1782–1862; в монашестве схиархимандрита Моисея, известного оптинского старца-настоятеля). См.: *Православная энциклопедия*. М., 2011. Т. 27. С. 146–149.

²¹ Список Ново-Нямецкого монастыря (Национальный архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 48–68) является источником трех известных публикаций Послания 1994, 2004 и 2014 годов: *Pelin V.* The correspondence of abbot Paisie from Neamtz (III): Letter to Teodosie, archimandrite at the Sofroniev Hermitage // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. 1994. [Т.] XXXII. № 3–4. P. 349–366; Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 267–290; Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения. С. 336–375.

тыря Послание имеет пространный заголовок, в котором выделены темы, вероятно позднее внесенные составителем в название и помогающие структурировать текст: «Слово о любви Преподобнейшему господину отцу Феодосию, архимандриту пустыни Софрониевой <...> и еже не искати чести и богатства, и какову любовь отеческую ко братии подобает имети настоятелю. О тихом и безмолвном пребывании во обители. О еже упраздниться в келлии на чтении отеческих книг и молитву. О книгах отеческих, преведенных с греческаго языка. Еще и о хулнице некоем на умную молитву». Это название точно отражает общее настроение Послания. Очевидно, что автор следует святоотеческим заветам, которые прочитываются в заголовках сочинений проводников исихазма: «О священном и преподобием тела и души безмолвии», «О многословии и молчании», «О памяти смертной», «О безгневи и кротости», «О нестяжании», «О бдении телесном» (Иоанн Лествичник), «О смиренномудрии», «О совести», «О божественном страсе» (Авва Дорофей), «О молчании и безмолвии и о житии тихом», «О чистой молитве», «Откуда съхраняется трезвение умное, еже внутрь в души бываемое», «О хранении сердца и видении тончайшем» (Исаак Сирий), «О делании духовном», «О мысленном откровении действеннаго божественнаго света», «О мысленном раи боговидения и древе животном» (Симеон Новый Богослов), «О безмолвии», «О образех молитвы», «О еже како подобает сидети в безмолвии» (Григорий Синаит). Знакомство Паисия Величковского с трудами указанных авторов, позже дополненное чтением трудов св. Петра Дамаскина (XII век), Каллиста Ангеликуда (XIV–XV века), Никиты Стифата (ок. 1005 — ок. 1090), чьи статьи и трактаты связали образ «мысленного рая» с действием «Божественного света», «мысленным откровением» — любимой темой размышлений исихастов второго поколения, прослеживается по сохранившимся текстам паисиевских переводов в монастырских библиотеках Афона, России, Украины, Молдавии и Румынии.²²

Подсчет исихастских рукописей Троице-Сергиевой лавры XIV–XV веков, в которых «запечатлен» афонский след, в свое время сделал Г. М. Прохоров.²³ В связи с поисками новых форм славяно-византийского синтеза интерес к творчеству Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Василия Великого, Василия Нового, Григория Синаита, Филиппа Пустынника, Григория Паламы, Нила и Николая Кавасила отмечен в переводах школы Чудова монастыря второй половины XVII века.²⁴ Позднее в трудах старца Паисия Величковского и его последователей мы видим те же темы и тех же авторов, что прямо свидетельствует о тенденции к возрождению в русском монашестве исихастских традиций.

Страницы биографии святого подвижника указывают на сильное тяготение старца к афонскому учению, сущность которого была постигнута им задолго до того, как он приехал на Святую Гору. Еще в юности Паисий (тогда еще монах Платон) дает обет сторониться богатых обителей, сознательно избирая местом своего пребывания бедные монастыри. Прибыв на Афон, молодой монах намеренно избегает обустроенных обителей, отдавая все силы на возрождение духовной жизни в бедных монастырях. Согласно жизнеописанию преподобного, составленному Митрофаном (РНБ. Собр. Санкт-Петербургской Академии и Семинарии. № 279. Л. 8), уже обучаясь в первых классах Киево-Могилянской Академии, усердный ученик Петр Величковский предпочитал античным авторам «книги безмолнической жизни». В Любечском монастыре он

²² Родионов О. А. Рукописная традиция трактата Каллиста Ангеликуда «О божественном единении» // Византийские исихастские тексты / Сост., общ. и науч. ред. А. Г. Дунаева. М., 2012. С. 423–428; Исаченко Т. А. Святая Афонская Гора в сказаниях, воспоминаниях и зарисовках Отдела рукописей Московского публичного и Румянцевского музеев (МПиРМ) и монастырских собраний РГБ. М., 2019.

²³ Подсчет осуществлялся по книге: Арсений, Иларий. Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры: В 3 ч. М., 1878–1879. См.: Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 317–324.

²⁴ Исаченко Т. А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.

переписывал Лествицу Иоанна Синайского,²⁵ которая оказалась важной вехой в судьбе будущего подвижника, ибо позднее он не раз будет обращаться к ее тексту, стремясь усовершенствовать славянский перевод, «исправляя старый перевод по греческим текстам».²⁶ В дальнейшем последователи и ученики доработают и опубликуют этот, ранее многократно переработанный, текст (М., 1862). Перевод Лествицы Иоанна Синайского, связанный с именем Паисия Величковского, получит большое распространение. Несколько интересных списков памятника, раскрывающих этапы подготовки издания, хранятся в собраниях РГБ (Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 509–510, 516; Ф. 304/П. Троицкое собр./доп. № 193).²⁷

В автобиографии Паисия не получило своего отражения его пребывание на Афоне, поскольку жизнеописание обрывается на событиях, предшествующих его отъезду на Святой Гору. Для реконструкции афонского периода жизни преподобного обычно используют дополнительные источники, одним из которых является Второе Послание к Феодосию. Из письма следует, что преп. Паисий пребывал в трудах, восстанавливая Ильинский скит, монастырь Симонопетра, что значительная часть времени его пребывания на Афоне была связана с поиском рукописей. Убежденность старца в неисправности имеющихся у него переводов заставляла будущего подвижника неоднократно совершать «археологические экспедиции», разыскивая тексты в ближних и дальних монастырях Афона. Вот как описывает старец Паисий свои поиски: «И по многолѣтнемъ моемъ въ святѣй Горѣ пребываніи, отчасти научився бесѣдовати простымъ греческимъ языкомъ, всеприлѣжнѣйшее воспріяхъ намѣреніе, съ болѣзнью въ сердцѣ искати еллинногреческихъ отеческихъ книгъ, въ надеждѣ со онѣхъ исправленія словенскихъ (книгъ), и на многихъ мѣстѣхъ и не единократнѣ искавъ, не могахъ обрѣсти» (л. 3).²⁸ Старец пишет, что надежду обретения таких книг он возложил на Бога, «моляхъ Его неизреченное милосердіе, да имже вѣсть судьбами, яко Всесиленъ и Всемогій, сподобитъ меня обрѣсти таковыя книги» (л. 4). Но от всех, кого он спрашивал о книгах, Паисий слышал один и тот же ответ: «яко мы даже и доселѣ не точію таковыхъ книгъ не вѣмы, но ни имени сихъ святыхъ слышахомъ» (л. 3 об.). От этих известий преп. Паисий «впадал в недоумение», но не оставлял поисков («в яково недоумѣніе впадохъ, рассуждая, яко въ такомъ мѣстѣ святѣмъ, и къ тихому и безмолвному иноковъ пребыванію отъ Бога избраннѣмъ, идѣже мнози величїи и совершеннѣи святїи пожиша, не сподобихся не точію обрѣсти многожелаемыя мнѣ святыя оныя книги, но ни именъ святыхъ онѣхъ отъ кого услышати»; л. 3 об.). Однажды на пути из Лавры святого Афанасия Афонского в великий лаврский скит Святой Анны старец вместе с двумя братьями подошел к холму святого пророка Илии. Здесь со стороны моря находился скит святого Василия Великого,²⁹ в котором Паисий и его спутники увидели раскрытые монахами книги, удовлетворившие его своей древностью и исправностью. В своем послании к архимандриту Феодосию старец вспоминает момент обретения редких источников: «Воззрѣвшу ми на столїкъ иже ко окну, увидѣхъ едину книгу отверсту, лежащу на немъ, съ нея же преписоваше другую: бяше бо художествомъ краснописецъ, и посмотрѣвшу ми на оную книгу, увидѣхъ, яко бяше святаго Петра Дамаскина, юже узрѣвъ, колїкїя пренеизреченныя радости духовныя преисполнихся, изречи не могу» (л. 4 об. — 5).

²⁵ Упомянутая рукопись — так называемый Сибирский Лествичник из 70 глав (Попова Т. Г. Лествица Иоанна Синайского в переводе Паисия Величковского // Афонское наследие: Научный альманах. Киев; Чернигов, 2016. Вып. 3–4. С. 186).

²⁶ Яцимирский А. И. Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии. М., 1898. С. 2–3.

²⁷ Попова Т. Г. 1) Лествица Иоанна Синайского в переводе Паисия Величковского. С. 191; 2) Русские рукописи «Лествицы» Иоанна Синайского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2016. Вып. 1 (46). С. 93–101.

²⁸ Ввиду того, что начальная часть текста Второго Послания в автографе старца Паисия отсутствует, здесь и далее текст цитируется по рукописи: РГБ. Ф. 214. № 142 (первая четверть XIX века) — с указанием в скобках номера листа.

²⁹ Афонский скит, подчиненный Великой Лавре.

Сегодня в Свято-Пантелеимоновом монастыре Святой Горы находятся рукописи старца. Самой ценной из них является перевод творений св. Петра Дамаскина, переписанный собственноручно преп. Паисием.³⁰ Сохранилась также келья св. царя Константина, которую около 1754 года приобрел старец Паисий. Здесь в молитвенном уединении он прожил с несколькими учениками около трех лет, после чего перешел в келью св. Пророка Илии, преобразованную им в скит. Келья царя Константина находится по пути из Ильинского скита в монастырь Пантократор. Недавнее посещение этих мест представителями Международного института афонского наследия и проведенные исследования позволили обнаружить неизвестные записи, подтверждающие пребывание преп. Паисия Величковского в монастыре Симонопетра около трех месяцев. «Кодекс А», хранящийся в библиотеке монастыря, отражает жизнь обители за период с 1620 по 1800 год. Под 1762 годом в нем сообщается, что игуменом монастыря Симонопетра в это время был старец Паисий. В архиве Симонопетра это единственный документ, подтверждающий факт игуменства старца Паисия в этой обители.³¹

Вернемся, однако, ко Второму Посланию, которое является ответом на неотступную просьбу архимандрита Феодосия о немедленной пересылке в Россию переводов творений святых отцов для публикации. В задержке со стороны Паисия Феодосий усматривает знаки «вражды», поэтому в ответном послании преп. Паисий дает заверения в неизменной любви и добром расположении к другу и ученику, но эта начальная часть письма, содержание которой известно из молдавских списков, весьма критична. Преп. Паисий братски укоряет Феодосия в самовозвышении, нарушении обетов, вспоминает заветы общих наставников — старцев Василия (Поляномерульского) и Михаила. Свои труды Паисий оценивает весьма строго и категорически возражает против их публикации.

Иными словами, желание Феодосия (и его высоких покровителей, в числе которых называют митрополита Гавриила (Петрова) и светлейшего князя Г. А. Потемкина) издать существующие переводы Паисия в России неожиданно натолкнулось на его сопротивление. Причины, которыми руководствовался подвижник, перечислены им в заключительной части Послания. По мнению старца, сам он не в полной мере обладал теми качествами, которыми надлежит обладать переводчику святоотеческих творений. И эта самокритичность во многом обусловлена сформировавшейся в течение всей жизни позицией, мировосприятием старца и, собственно, исихастской практикой. Сам предмет диктует ответственность, заставляет быть особо требовательным к знаниям: переводчик должен быть всесторонне образован, знать грамматическое учение, правописание, свойства тех языков, с которых и на которые он переводит, быть искусен в поэтике, риторике, философии, богословии. Переводческая деятельность, по мнению Паисия, невозможна без словарей, для работы со святоотеческим наследием необходимо хорошее знание языка первоисточника, сложность и богатство которого зачастую превосходит реальные знания переводчика. Неудовлетворенность собственными текстами, скорее всего, и стала причиной задержки с ответом на просьбу о высылке книг: «Како дерзну азъ съ таковаго премудрѣйшаго языка дѣло мое во исправленіи или въ преводѣ книгъ начинати?» (л. 7 об.) — вопрошает старец. Немалые сомнения испытывал Паисий Величковский в искусстве своего перевода, высоко ценя

³⁰ Укажем также прижизненный список этого сочинения в дополнительной части Троицкого собрания: РГБ. Ф. 304/2. № 42. Перевод первой книги св. Петра Дамаскина был выполнен св. Паисием в 1775 году. На начальном листе лаврского списка присутствует запись с указанием имени ее владельца — монаха Онуфрия, ученика Паисия (Величковского).

³¹ Оригинал письма самого старца и переписка константинопольского патриарха Кирилла V с киевским митрополитом Арсением изданы: *Шумило С. В.* 1) Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // *Афонское наследие: Научный альманах.* Киев; Чернигов, 2017. Вып. 5–6. С. 231–255; 2) Прп. Паисий Величковский и попытка воссоздания Русика в монастыре Симонопетра: неизвестные письма с Афона // *Русь — Святая Гора Афон: Тысяча лет духовного и культурного единства.* Материалы Междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русского монашества на Афоне, 21–23 сентября 2016 г. М., 2017. С. 318–338.

сакральный характер церковнославянского книжного языка, имевшего в глазах старца святость предмета, освященного благодатью («яко и самага нашего преславнаго словенскаго языка, иже, якоже ми мнится, многія языки красотою своею и глубиною и преизобиліемъ реченій, <...> несравненно превосходитъ, едва часть нѣкую реченію зная, но несравненно большей части не вѣдая, бояхся дѣло сіе начинати»; л. 7 об.).

К опасениям Паисия Величковского в значительной степени примешивалась его тревога за духовное состояние людей («да не воспослѣдуетъ хула отъ суетоумовъ»; л. 4 об.), распространение исихастской практики («умного делания») в миру чревато, по его мнению, дерзким осуждением и хулой со стороны «суетоумов», т. е. со стороны светского общества: «Извѣщаю духовно святыни вашей, яко о изданіи печатію книгъ отеческихъ якоже еллинногреческимъ, тако и словенскимъ языкомъ, и радостію и страхомъ одержимъ есмь. Радостію, яко всеконечному забвенію не будутъ же преданы, и яко ревнителіе удобѣе возмогутъ стяжавати оныя: страхомъ же, бояся и трепеща, да не како обще не точію инокомъ, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ, якоже и прочія книги, аки продаваемая вещь, предложены бывше, отъ нихъ самочиннѣ безъ наставленія искусныхъ дѣланію умныя молитвы научившимся, воспослѣдуетъ прелесть, виною же прелести да не воспослѣдуетъ хула отъ суетоумовъ на святое сіе и пренепорочное, отъ премногихъ и великихъ святыхъ отецъ свидѣтельствованное дѣло» (л. 4 об.).

Коснемся истории публикации Второго Послания к Феодосию. Несмотря на то, что оно неоднократно публиковалось (трижды по молдавскому списку),³² текст Послания в различных изданиях варьируется, и эти различия нуждаются в пояснениях. Как говорилось выше, впервые письмо было издано в Оптиной пустыни и напечатано в Москве.³³ Но по неизвестным причинам здесь была опущена критическая часть послания — в публикации отсутствует начало письма.

Вторично послание по молдавскому списку опубликовала кишиневская исследовательница Валентина Пелин,³⁴ но этот текст содержал купюры во второй, филологической части оригинального текста, хотя в какой-то мере она восполняла пробел оптинской публикации, дополняя пропуски.

В 2004 году текст Второго Послания был включен в сборник избранных трудов старца русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне (перепечатка издания 1847 года),³⁵ а в 2014 году он вторично был переиздан с параллельным русским переводом, комментариями и справочным аппаратом. Таким образом, лакуны, существовавшие в кишиневской и афонской публикациях, в последнем издании устранены не были, да и не могли быть устранены. Неоговоренные лакуны публикаций на деле являются расхождением редакций. Во всех трех публикациях купюры касаются содержания второй части Послания, текст которого в автографе старца Паисия, обнаруженном в собрании Барсова в РГБ, позволяя не только восстановить утраты, но и прокомментировать их.³⁶

Исследуя историю текста Второго Послания к Феодосию, можно вполне уверенно развести сохранившиеся списки по редакциям: в рукописи Барсова под № 295 мы име-

³² См. выше, прим. 21. Об этом послании известно также со слов Митрофана. См.: *Tachias A.-E. The Revival of Byzantine Mysticism Among the Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794)*. Thessaloniki, 1986. P. 97–105.

³³ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 241–268.

³⁴ *Pelin V. The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III)*. P. 349–366.

³⁵ Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения...

³⁶ О существующих разночтениях списков см.: *Pelin V. The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III)*. P. 349–366; *Майнарду А. «Slavia Orthodoxa» в эпоху Просвещения: литературная деятельность старца Паисия Величковского*. СПб., 2007; *Жгун П. Б. Разночтения в списках Второго Послания прп. Паисия (Величковского) к архим. Феодосию (Маслову), проливающие свет на особенности перевода «паисиевской» школы // Каптеревские чтения. М.; Серпухов, 2017. Вып. 15. С. 215–234. В последней публикации автор пытается объяснить присутствие разночтений между публикациями 1847 года и всеми последующими. Однако в отсутствии автографа Второго Послания, который исследователю неизвестен, любые рассуждения на данную тему представляются неполными.*

ем первую редакцию Послания, сохранившую авторский текст с утратой его начала. Отчасти можно восполнить купюру по другому списку этой же редакции — рукописи Оптиной пустыни под № 142 (первая треть XIX века; далее — Опт. 142), представляющей отредактированную копию со списка Барсова. Читающийся здесь на л. 1–25 текст, по всей видимости, был опубликован в издании 1847 года под заголовком «От письма старца Паисия еже писа к старцу Феодосию»,³⁷ указывающим на то, что публикаторы знали о полной версии текста и, вполне возможно, видели его (со слов «Азь егда еще во святѣй горѣ Аѳонстѣй съ малымъ числомъ братіи...»).

В том же собрании известен еще один список — № 145 (начало XIX века), сделанный приблизительно в одно время с Опт. 142. Обе рукописи принадлежали скитской библиотеке Оптиной пустыни и непосредственно связаны с подлинником Второго Послания к Феодосию, но вторжение редактора в текст можно проследить в оптинских списках по маргиналии, присутствующей в первоисточнике на л. 6 об. («и на иныхъ многихъ мѣстѣхъ»), а также по незначительной стилистической правке, которую, вероятнее всего, осуществлял, вместе с И. В. Киреевским и иеросхимонахом Макарием (Ивановым), молодой Л. А. Кавелин (будущий архимандрит Леонид), готовивший издание трудов старца Паисия 1847 года. Маргиналия, сделанная рукой редактора, появляется в тексте оригинала на л. 6 об. и в дальнейшем присутствует в текстах оптинских списков, а также в публикации 1847 года. По нашим наблюдениям, мелкой стилистической правке подвергся не только оригинальный текст Второго послания, известный ныне по рукописи Барсова, но и список, с которого осуществлялся набор.

Источник всех публикаций нашего времени (1994, 2004 и 2014 годов) — рукопись монастырского собрания Нового Нянца (Национальный архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 48–68) — представляет собой вторую редакцию текста, очень исправную и по-своему интересную, но значительно видоизмененную в результате намеренных сокращений.

Таким образом, исследуя списки и сравнивая их с автографом, мы с большой вероятностью можем указать на источник публикации 1847 года. Подсказкой здесь служит воспроизведенная издателями на с. 20 подпись «Паісій старецъ», которая поначалу наводит на мысль об использовании публикаторами оригинала — аналогичной записи в конволюте Барсова. Однако это предположение неверно. Подпись воспроизведена от руки и затем сфотографирована, в чем убеждает сделанная поверх «автографа» помета: «На подлинномъ подпись такова: Паісій старецъ». В издании есть еще одна дополнительная запись, которая присутствует в списке Опт. 142 на л. 25 и позже повторяется в списке того же собрания № 145 на л. 120: «Писано с самага подлинника, который хранится въ Софроніевоу пустынь». Иными словами, по крайней мере один из оптинских списков (по нашему мнению, это Опт. 142) составлялся с подлинника.

На вопрос о местонахождении начальной части паисиевского автографа Второго Послания к Феодосию (ныне утраченной) можно попытаться ответить лишь после того, как удастся исследовать историю появления рукописи под № 295 в той части собрания Е. В. Барсова, которая вошла в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев вместе с коллекцией Общества древнерусского искусства при МПИРМ.³⁸ Предстоит внимательно изучить и вторую, основную часть Барсовского собрания, которая в 1914 году была передана в количестве 2728 номеров в Исторический музей в Москве.³⁹ Прояснить интересующий нас вопрос поможет, вероятно, также исследование келейного наследия Арзамасской женской пустыни, Новоспасского монастыря

³⁷ Опубликованный текст содержит стилистическую правку текста, отраженную в рукописи Опт. 142 (вставка «и на иныхъ многихъ мѣстѣхъ», которая присутствует в подлиннике Барсова на поле л. 4 об.).

³⁸ См.: Книга поступлений отдела рукописей за 1929–1938 гг. Л. 2 об. № 27, 36; Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2 (1917–1947). С. 331.

³⁹ Малицкий Г. Л., Щепкин В. Н. Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова. М., 1915. С. 3.

и Белобережской пустыни, где подвизались ученики и почитатели Паисия Величковского, державшие в руках подлинник.

Подводя итог результатам наблюдений, можно констатировать, что история трансформации Второго Послания старца к Феодосию наглядно показывает, что с течением времени копирование текстов преп. Паисия стало приобретать форму псевдоэпиграфов. Хорошая сохранность трудов старца Паисия в собраниях России, Афона, Украины, Молдавии, бывших личных библиотеках архимандритов Антония (Медведева) и Леонида (Кавелина) свидетельствует о кропотливой работе учеников, последователей и почитателей Паисия Величковского по умножению его наследия — работе, которая продолжалась как при жизни, так и после смерти старца. Осуществив «цензуру» критической части оригинала, составители второй редакции Второго Послания предложили «царский путь», намеренно выпустив излишне самокритичные высказывания учителя. Самокритика сводила на нет (или ставила под сомнение) всю непреходящую ценность трудов духовного наставника и просветителя.

С 40-х годов XIX века, в связи с издательской деятельностью Оптиной пустыни, можно наблюдать новый этап распространения трудов преп. Паисия Величковского. Есть основания предполагать, что именно эта деятельность остановила бесконтрольный рост псевдоэпиграфов, одновременно предложив почитателям творчества Паисия публикацию Второго Послания к Феодосию в усеченном виде, лишив текст пространной начальной его исторической части, но сохранив критическую часть Послания, исключительно важную для понимания процессов, происходивших в общественном и религиозном сознании на рубеже XVIII–XIX веков.

Ниже публикуется текст Послания к Феодосию по рукописи РГБ (Ф. 17. Собр. Барсова. № 295. Л. IV–VII; ок. 1787 года). Приводится заключительная часть Послания, обнаруженная в автографе. Смысловый предшествующий отрезок текста («И аще сіе случится <...> къ выпечатанію отеческихъ») восстановлен по рукописи Опт. 142, которой пользовались публикаторы 1847 года.

Разночтения второй редакции Послания отмечены по рукописи Ново-Нямецкого монастыря (Национальный Архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 48–68), которая является источником трех известных публикаций недавнего времени. Сокращения второй редакции обозначаем курсивом. Пропуск букв, слитно-раздельное написание слов и другие мелкие расхождения нами не учитываются.

Дополнения, внесенные в молдавский список его составителями, даны в угловых скобках.

Текст письма старца Паисия представляет южнорусский извод церковнославянского языка, архаичность и своеобразие которого осознавались и охранялись им. Графику оригинала сохраняем частично, следуя при этом его первой публикации 1847 года (церковнославянские ъ, ь на конце слов и і, приближающие текст к первоисточнику), другие особенности письма XVIII века не воспроизводим.

<И аще сіе случится, то молю васъ всеусердно Господа ради, поне сего послѣдняго уже моего не презрѣти совѣта: вѣсть ону о посланіи въ Венецію къ выпечатанію отеческихъ> (л. 4) еллиногреческимъ языкомъ книгъ представите лицамъ онѣмъ, о нихже мнѣ возвѣщаете: тѣи же, яко Боговдохновенніи муже и ревносте Божію неизреченную къ таковымъ книгамъ имущи, по выпечатаніи онѣхъ, преудобнѣйше, яко многомогущи, могутъ получитьи тыя, и по всеистиннѣйшемъ на словенскій языкъ преведеніи печатію издати, и тогда уже и святыня ваша отъ предреченнаго иждивенія избавльшеся, возможете съ Божіей помощію удобнѣе оныя стяжати, и тако исполнится и самую вещь превожделѣнное о стяжаніи таковыхъ книгъ желаніе ваше. Молю же святыню вашу, писаніе мое отвѣтно къ его Преосвященству, аще подасте вамъ руку, сами отвезите, въ немъ же о винѣ неприсланія къ святынѣ вашей книгъ, и о предреченной вѣсти посланія книгъ онѣхъ къ выпечатанію, и моленіе къ его Преосвященству, да возблаговолитъ увѣщати святыню твою послушати моего писаннаго къ вамъ совѣта, писано

есть, а ино ничтоже; сего ради не усумнѣвайтесь сами отвезти оное, и преподати его Преосвященству, къ егоже мысленнѣ припадѣ святымъ стопамъ, всемирненнѣйше со всѣмъ моимъ соборомъ кланяяся, святую его и благословящую лобызая десницу.

(л. 4 об.). Извѣщаю духовно святыни вашей, яко о изданіи печатію книгъ отеческихъ якоже еллинногреческимъ, тако и словенскимъ языкомъ, и радостію и страхомъ одержимъ есмь. Радостію, яко всеконечному забвенію не будутъ же преданы, и яко ревнителіе удобѣе возмогутъ стяжавати оныя: страхомъ же, бояся и трепеща, да не како обще не точію инокомъ, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ, якоже и прочія книги, аки продаваемая вещь, предложены бывше, отъ нихъ самочиннѣ безъ наставленія искусныхъ дѣланію умныя молитвы научившимся, воспослѣдуетъ прелесть, виною же прелести да не воспослѣдствуетъ хула отъ суетоумовъ на святое сіе и препеорочное, отъ премногихъ и великихъ святыхъ отецъ свидѣтельствоваанное дѣло. Якоже и самымъ дѣломъ во дни наша случися, яко одинъ инокъ, философъ суетумный,¹ увидѣвъ яко нѣкоторымъ ревнителемъ сея молитвы, аще и не по разуму, привозпослѣдова,² за самочиненіе ихъ и за невѣждное наставленіе неискусныхъ молитвы сея наставниковъ, нѣкая прелесть, не возложивъ вины на самочиніе и неискусное наставленіе, толико, діаволу его подвигшу, вооружися хулою на святую сію молитву, яко и древнихъ оныхъ треклятыхъ (л. 5) еретиковъ Варлаама и Акиндина, хулившихъ сію молитву, несравненно превзыде: толико бо страшныя и срамныя хулы, ни Бога бояся, ни человекъкъ срамляяся, на святую сію молитву и на ревнителей и дѣлателей ея подвиже, яко и слуху человекъскому цѣломудренному нестерпимы суть: еще же и на ревнителей молитвы сея толь превеликое гоненіе воздвиже, яко нѣщцы, оставльше вся, въ страну сію прибѣгоша, и живутъ въ ней на пустыни богоугодно, нѣщцы же, малоумни суще, отъ его развращенныхъ словесъ до толика безумія придоша, яко и книги своя нѣкоторыя отеческія въ единой рѣчь, якоже слышахомъ, привязавше къ нимъ плінеу потопиша. И до толика возмогоша его хулы, яко нѣщцы подѣ неблагословеніемъ запретили быша книгъ отеческихъ не читати. Егда же, не довлѣяся устными хулами, умысли тыя писанію предати, тогда Божимъ наказаніемъ обѣма ослѣпе очима, и пресѣчеса таковое его богоборное намѣреніе. Сего убо, якоже предрекохъ, боюся и трепещу, да не воспослѣдствуютъ самочинникомъ прелести; прелесть же хулы, хуламъ же усумнѣваніе о ученіи Богоносныхъ отецъ нашихъ, иже о молитвѣ сей (л. 5 об.) сами благодатію Пресвятаго Духа самимъ дѣломъ и искусомъ научившеся, и подвижниковъ, со всякимъ смиренномудріемъ на дѣланіе сея нудитися усердствующихъ Богомудрѣ учать.

Книги отеческія, паче же яке о истиннѣмъ послушаніи, и о трезвеніи ума и безмолвіи, о вниманіи же и молитвѣ умнѣй, сирѣчь въ сердцѣ умомъ совершаемѣй, единственнѣ единому точію монашескому чину приличны суть, а не обще всѣмъ православнымъ христіаномъ. Сего ради Богоносніи отцы, о молитвѣ сей учаще, начало ея и основаніе непоколебимое послушаніе истинное глаголють быти, отъ него же истинное рождается смиреніе, смиреніе же хранитъ подвизающагося въ ней отъ всѣхъ прелестей, самочинникомъ послѣдующихъ.³ *Послушанія же истиннаго монашескаго и совершеннаго во всемъ воли своея и разума отсѣченія мірскому народу стяжати отнюдь не возможно.*⁴ И како возможно будетъ мірскимъ людемъ безъ послушанія,⁵ по самочинію, ему же прелесть послѣдуетъ, на толь страшное и ужасное дѣло сирѣчь на таковую молитву, безъ всякаго наставленія нудитися, и убѣжати многообразныхъ и многообразныхъ⁶ (л. 6) прелестей вражнихъ на молитву сію и подвижниковъ ея прехитростнѣ наводимыхъ. *Отнюдь не возможно.*⁷ *Толь*⁸ страшна есть вещь сія, сирѣчь *молитва, не простъ умная, сирѣчь умомъ нехудожнѣ совершаемая, но художнѣ умомъ въ сердцѣ дѣйствуемая,*⁹ яко и истинніи послушницы, волю свою и разсужденіе предѣ отцы своими, дѣланія молитвы *сея истинными и преискусными наставники,*¹⁰ не точію отсѣкши, но и совершенно умертвивши, всегда въ страхъ и трепетъ суть, боящеся и трепещуще, да не постраждутъ въ молитвѣ сей нѣкую прелесть, аще и Богомъ всегда храними суть отъ нея, за истинное смиреніе свое, еже благодатію Божіею истиннымъ послушаніемъ своимъ стяжаша. *Кольми паче мірскимъ людемъ, безъ послушанія пребывающимъ, аще бы точію отъ единаго чтенія таковыхъ*

книгъ понудилися на сію молитву, страшно есть, да не впадуть въ нѣкую, самочинною начинающімъ послѣдующую, прелесть.¹¹ Молитва сія художество художествъ отъ святыхъ нарицается; и кто можетъ ея безъ художника, сирѣчь безъ искуснаго наставника, научиться. Молитва сія мечъ есть духовный на закланіе врага душъ нашихъ, отъ Бога дарованный: (л. 6 об.) но неискуснѣ дѣйствующему имъ страхъ есть, да не будетъ самага себе на закланіе. Молитва сія во иноцѣхъ точію,¹² наипаче въ странахъ Египетскихъ, аки солнце просіяваше, такожде и въ странахъ Іерусалимскихъ, и въ Синайстѣй горѣ и Нитрійстѣй, и въ Палестинѣ на многихъ мѣстѣхъ, <и на иныхъ многихъ мѣстѣхъ>,¹³ но не повсюду, якоже является отъ житія святаго Григорія Синаита, иже всю святую гору обшедѣ, и прилежно дѣлателей сея молитвы поискавъ, отнюдь никогоже обрѣте въ ней, поне малое вѣдѣніе о молитвѣ сей имущаго. Отсюду явственно есть, яко аще въ такомъ святѣмъ мѣстѣ ниединаго такового святой сей обрѣте, то и на многихъ мѣстѣхъ во иноцѣхъ дѣланіе сея молитвы невѣдомо бяше.¹⁴ А идеже и дѣйствовашеся, и аки солнце просіяваше во иноцѣхъ,¹⁵ то и тамо дѣланіе молитвы сея, аки тайна велія и неизреченная, Богу единому и дѣлателемъ ея вѣдомая, хранящися: мірскому же народу дѣланіе молитвы сея отнюдь невѣдомо бяше. Нынѣ же, выпечатаніемъ отеческихъ книгъ, не точію инокомъ,¹⁶ но и всему христіанскому народу во увѣдѣніе прійдетъ.

И сего ради боюся и трепещу,¹⁷ да за предреченную вину, сирѣчь, за самочинное безъ наставника (л. 7) молитвы сея начинаніе, не возпослѣдуетъ нѣкая самочинникомъ такимъ прелесть, отъ нея же Христосъ Спаситель всѣхъ хотящихъ спастися да избавитъ своею благодатію. Сіе же святынѣ вашей, аки охраненія ради, духовно объявивъ, пребываю, во всѣхъ заповѣдехъ Божіихъ вамъ совершеннаго успѣянія¹⁸ желатель и недостойный богомолецъ.¹⁹

Паисій старецъ²⁰

¹ В ред. 2 — монах един, философ суетный, пребывающий в Мошенских горах.

² В Опт. 142 — привозпослѣдствова.

³ В ред. 2 — самочинникомъ следующихъ.

⁴ В ред. 2: Послушанія же <...> не возможно — отсутствует.

⁵ В ред. 2 — безъ послушанія <от самага чтенія> (на полях).

⁶ В ред. 2 — многообразныхъ и <многообразныхъ>.

⁷ В ред. 2: Отнюдь не возможно — отсутствует.

⁸ В ред. 2 — Толико бо.

⁹ В ред. 2 — <молитва умная>, яко и истинніи послушницы. Остальной текст отсутствует.

¹⁰ В ред. 2 — дѣланія молитвы не точію отсѣкъши. Прочее отсутствует.

¹¹ В ред. 2 отсутствует.

¹² В ред. 2 отсутствует. Вместо этого читается текст: <Молитва сія паче же дѣланіе сердечное в монасѣхъ точію. Молитву же сію, глаголю, не простѣ умную, сирѣчь не простѣумом и усты совершаемую. Сію бо всекому желающему христіанину спастися, подобаетъ: но художнѣ умомъ, въ сердцѣ дѣйствуемую и язвѣ врага невидимаго Божественнымъ Именемъ> (на полях приписка: святой Григорій Синаит. О безмолвіи. Глава 2).

¹³ Выделенная фраза в оригинале присутствует на полях, вписана позднее. В Опт. 142 слова внесены в текст.

¹⁴ В ред. 2 отсутствует.

¹⁵ В ред. 2 — и просіяваше <въ монасѣхъ>.

¹⁶ В ред. 2 — вѣдомо точію монахомъ.

¹⁷ В ред. 2 — И сего ради, якоже рекохъ, боюся и трепещу.

¹⁸ В ред. 2 — предъуспѣянія.

¹⁹ В ред. 2: недостойный богомолецъ — отсутствует. Вместо этого: <Богъ же любве и мира, да будетъ съ вами. Аминь>.

²⁰ В ред. 2 отсутствует.